

**CLERKE T., HOPWOOD N. DOING ETHNOGRAPHY IN TEAMS.
A CASE STUDY OF ASYMMETRIC IN COLLABORATIVE RESEARCH.
NEW YORK: SPRINGER BRIEFS IN EDUCATION, 2014. — 96 p.**

Коллаборативная этнография — академический сюжет, являющийся в последние 10–15 лет визитной карточкой американского антрополога Люка Эрика Ласситера. Все началось с публикации им в 1998 году книги [3] о работе среди индейцев кайова, где автор определил свой методический арсенал через концепт коллаборации.

Сюжет оказался для Ласситера не случайным, свидетельством чему стал выход в свет множества статей и нескольких книг, где автор попытался представить коллаборативные практики не просто в качестве одного из возможных способов «делать этнографию», но как ответ на те теоретические проблемы и нестыковки, которые не давали покоя этнографам и антропологам на протяжении последней трети XX века. Новейшая из книг, подготовленная Ласситером совместно с Элизабет Кэмпбелл [1] и вышедшая из печати буквально на днях (август 2014), называется незамысловато («Doing ethnography today: Theories, methods, exercises») и понятно на что претендует.

Ласситер формулирует программные положения проекта коллаборативной этнографии примерно следующим образом: «Коллаборативная этнографическая практика имеет весь необходимый потенциал для того, чтобы свести воедино как академическое, так и прикладное в антропологии; как феминистские, так и постмодернистские подходы; как американскую, так и другие антропологические традиции с той целью, чтобы получить на выходе антропологию того рода, которой под силу, как сказал Пикок, “проникнуть в самые глубокие тайны человеческой души и рода” и “подтолкнуть нас к тому, чтобы создать нечто стоящее за рамками дисциплинарных и академических границ”» [4, p. 97].

Сущность коллаборативной этнографии определяется Ласситером как «такой подход к этнографии, в рамках которого особое значение намеренно и эксплицитно придается процессу со-действия на всех этапах этнографической работы — включая и концептуализацию, и полевой этап, и — что особенно важно — этап создания текстов. Коллаборативная этнография привлекает консультантов к созданию их собственных комментариев и пытается сделать эти комментарии частью создаваемого текста. В то же время, этот процесс со-действия является полностью интегрированным в методику полевой работы» [5, p. 16].

Говоря о ласситеровском понимании того, чем является коллаборация в рамках этнографической работы, следует иметь в виду две вещи: во-первых, речь идет о коллаборации между исследователем и

исследуемым с целью преодоления тупиков субъект-объектной дихотомии модернистской науки и деидеологизации языка создаваемых текстов; во-вторых, на уровне академического дискурса коллаборация такого рода синонимична «публичности» в том смысле, который подразумевает под этим термином М. Буравой, говоря о «публичной социологии». Таким образом, «коллаборативная этнография» Ласситера — это методический залог возможности «публичной антропологии».

Надо сказать, термин прижился. В западной академической среде сегодня мало кто оспаривает приоритет Ласситера на почве разработки коллаборативных подходов в антропологии. Тем не менее сам по себе центральный концепт оказался в достаточной мере гибким и масштабируемым, что привело к появлению неконвенциональных способов его применения.

Так, о коллаборации в этнографической работе пишут и авторы рецензируемой книги — Тина Клерк и Ник Хопвуд. Их рассказ о содействии — это рассказ о запутанности отношений членов этнографических групп, или, говоря их языком, «асимметриях коллаборативного исследования». Речь здесь, понятно, идет не о коллаборации между субъектом науки и ее объектами, но о коллаборации в паре субъект-субъект.

Тем не менее этого различия недостаточно для того, чтобы в полной мере описать суть подхода Клерк и Хопвуда. Дело в том, что, согласно, например, Хаммерсли и Аткинсону [2, р. 2–22], любая этнографическая работа — дело коллективное, так что вносить в определение дополнительную градацию не имеет большого смысла. На этот факт и обратили внимание Клерк и Хопвуд, когда попытались все же дать дефиницию тому, чем они занимались в рамках своего долгосрочного (шесть месяцев) этнографического проекта.

Первое, что бросилось им в глаза, был тот факт, что их работа не является в полной мере ни коллаборативной этнографией в ласситеровском смысле, ни той командной этнографией, о которой говорится в самых разных источниках. И тогда они пошли от противного: «Состав нашей команды не слишком хорошо отвечал требованиям междисциплинарности, несмотря на разницу в личном и профессиональном опыте... Наши эпистемологические воззрения были в достаточной мере согласованы, так что не было большой нужды обсуждать проблемы “валидности” или “вариабельности”... Мы не составляли никаких формальных договоров о командной работе и не проводили регулярных дебрифингов... Полевые заметки не писались нами совместно; больше того, этими заметками мы далеко не всегда делились друг с другом... Наша команда сложилась до начала полевого этапа, но, несмотря на это, саму полевую работу мы начали в разное время...

И, наконец, отношения внутри нашей команды складывались органически, а методологические практики претерпели не одно изменение за время работы» (с. 15).

На первый взгляд может показаться, что такой подход к организации исследования есть не более чем следствие недостаточной подготовки. Вместе с тем нам известно, что всякая полевая практика неизбежно вносит свои — порой весьма существенные — коррективы в любой исследовательский план. Поле малопредсказуемо. В этом смысле органицистская метафора, которую используют авторы книги, описывая процесс становления своей команды, может оказаться как довольно продуктивной, так и в должной мере отвечающей реалиям. В этом случае метафора не просто имеет существенную объяснительную силу, но и выступает своеобразным методологическим принципом, на базе которого вполне могут быть выстроены конкретные программы полевых исследований. Преимущества такого подхода к делу заключаются как в достаточной гибкости порождаемых им практик, так и в высокой степени приспособляемости командной жизни к изменчивым и противоречивым условиям социальной среды.

Авторы, тем не менее, не углубляются в порождаемое метафорой организма пространство ясности, а выбирают другой путь, иную метафору — метафору асимметрии. Асимметричными — в нейтральном, почти геометрическом смысле этого слова — они называют как личные отношения внутри своей команды, так и набор реализуемых ими в поле исследовательских практик.

На уровне личного взаимодействия асимметрия между Тиной Клерк и Ником Хопвудом выражается, например, в том, что один из членов команды является ее номинальным руководителем, второй — ассистентом-исследователем.

На уровне практик (авторы даже приводят небольшую сводную таблицу) асимметрия становится видна, когда начинает учитываться, например, количество взятых интервью, сделанных фото, зарисовок, частота и регулярность визитов к респондентам и т. п.

Метафора асимметрии становится стержнем, вокруг которого собирается методический сюжет книги Клерк и Хопвуда. Сюжет содержательный — собственно, не этнография этнографии, а этнография госпиталя, в котором и проходила работа авторов — наращивается поверх рассказа об особенностях асимметричной командной этнографии.

Говоря об асимметрии, имеет смысл процитировать небольшой перечень, выделенный авторами для описания инструментального уровня их работы: «Возможно, будет полезным для начала с полной ясностью указать на то, что наша коллаборативная командная этнография в себя *не включала*:

- **работа в разных местах** — наше исследование проводилось примерно на одной территории;

- **полное погружение** — наши посещения того места, где проводилось исследование, были не регулярны, многое зависело от конкретного периода времени, дня недели или месяца;

- **устойчивый распорядок посещения поля** — у каждого из нас были различные даты начала и окончания визитов (по административным причинам) и различное же их расписание (по причине наличия / отсутствия свободного времени);

- **идентичные полевые практики** — несмотря на то, что мы пользовались одними и теми же исследовательскими методами, такими как наблюдение, сбор документов и разнообразной визуальной информации, наши методологические практики различались самым кардинальным образом;

- **регулярные запланированные обсуждения** — наши обсуждения и дебрифинги случались спорадически, например во время езды на машине до дома или по электронной почте. Большинство из них никак не фиксировались...

- **совместное чтение полевых заметок** — наши полевые заметки возникали “естественным” путем, независимо друг от друга; мы практически не делились ими во время полевого этапа работы. Это делалось нами намеренно, с той целью, чтобы первые впечатления не подвергались влиянию со стороны и были в полной мере индивидуальными...

- **идентичные роли и равное распределение задач** — не идентичные и равные, но в зависимости от того, кто руководитель команды, а кто ассистент» (с. 15–16).

Описание всей совокупности методических и процедурных асимметрий, приведенное выше, выглядит, на первый взгляд, как сплошное отрицание устоявшихся представлений о том, как именно должна проводиться полевая работа. Однако задачей этого описания было не только раскрытие процессуальной подоплеки проекта. Ретроспективный взгляд на событийную канву поля необходим для того, чтобы подметить не одни лишь особенности формирования и видоизменения особой теоретической оптики, обретенной в результате взаимодействия с незнакомыми социальными обстоятельствами, но и для рефлексии по поводу взаимоотношений этнографа и его инструментария.

Нам кажется, что самой значимой методической находкой в этом отношении является то пространство ясности, которое появилось вслед за приложением старой-доброй метафоры организма к методике полевой работы. Как известно, органическая метафора имеет свою оппозитивную пару — метафору механическую. Наверное,

суть процесса появления обозначенных асимметрий в этнографической практике может быть описана через напряжение и противостояние, которое этой оппозитивностью порождается.

В то же время, внимание к асимметриям как таковым (и сам по себе выбор именно этой лексемы в качестве значимой и объясняющей) уже расставляет очевидные акценты. Приверженцы «механического» подхода к выбору и функционированию полевого инструментария вместо «асимметрий» обнаружили бы «отклонения» и «ошибки», что позволило бы, в свою очередь, развернуть аргументированную критику проведенной работы, не оставив камня на камне от всего того, что было сделано.

Выбирая, напротив, в качестве объясняющей модели весь тот вер смысл, который сопровождает метафору «организма», авторы выстраивают иной дискурс и по-иному смотрят на вещи. В рамках такого взгляда становится очевидно, что «взращивание» инструментария — и теоретического, и прикладного — непосредственно в поле имеет множество преимуществ, основным из которых является приспособленность такого инструментария к изучаемой среде, его нечужеродность, естественность и гибкость.

Продолжая этот ряд аллегорий, можно сказать, что этап подготовки к полю и сама полевая работа представляют собой не подбор зрелых растений, которым предстоит быть пересаженными в новую, чужую почву, но селекцию жизнеспособных семян, имеющих достаточно силы, чтобы взойти на отмеченном месте. Наблюдение за асимметриями есть наблюдение за всходами.

Этими «всходами» в случае исследования Клерк и Хопвуда стали особого рода полевые «инстинкты», чувствительность, этика и практики (с. 33 и далее). Не имеет смысла перечислять присущие им конкретные характеристики, достаточно лишь указать на факт их принципиальной контекстуальности, иными словами, факт «кастомизации» инструмента под конкретное поле. Пристальное внимание к этой стороне работы этнографа и составляет, на наш взгляд, главный «нерв» небольшой книги Тины Клерк и Ника Хопвуда.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Campbell E., Lassiter L.E.* Doing Ethnography Today: Theories, Methods, Exercises. Wiley-Blackwell, 2014. — 160 p.
2. *Hammersley M., Atkinson P.* Ethnography: Principles in Practice. London: Routledge, 2007. — 278 p.
3. *Lassiter L.E.* The Power of Kiowa Song: a Collaborative Ethnography. Tucson: University of Arizona Press, 1998. — 266 p.

4. *Lassiter L.E.* Collaborative Ethnography and Public Anthropology // *Current Anthropology*. 2005. Vol. 46. No. 1. P. 83–106.
5. *Lassiter L.E.* *The Chicago Guide to Collaborative Ethnography*. Chicago: University of Chicago Press, 2005. — 216 p.

В.В. Картавцев,
кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Лаборатории методологии федеративных исследований
Института социального анализа и прогнозирования
РАНХиГС при Президенте РФ

Дата поступления: 20.09.2014.

V.V. KARTAVTSEV

Vladimir Vladimirovich Kartavtsev — Candidate of Philosophical Sciences, Centre for Federative Research Methodology of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. **Phone:** +7-903-578-66-64.
Email: kartavtsev.vladimir@gmail.com

**CLERKE T., HOPWOOD N. DOING ETHNOGRAPHY IN TEAMS.
A CASE STUDY OF ASYMMETRIC IN COLLABORATIVE RESEARCH.
NEW YORK: SPRINGER BRIEFS IN EDUCATION, 2014.**

REFERENCES

1. Campbell E., Lassiter L.E. *Doing Ethnography Today: Theories, Methods, Exercises*. Wiley-Blackwell, n.d. 2014. — 160 p.
2. Hammersley M., Atkinson P. *Ethnography: Principles in Practice*. L.: Routledge, 2007. — 278 p.
3. Lassiter L.E. *The Power of Kiowa Song: a Collaborative Ethnography*. Tucson: University of Arizona Press, 1998. — 266 p.
4. Lassiter L.E. Collaborative Ethnography and Public Anthropology. *Current Anthropology*. 2005. Vol. 46. No. 1. P. 83–106.
5. Lassiter L.E. *The Chicago Guide to Collaborative Ethnography*. Chicago: University of Chicago Press, 2005. — 216 p.

Received: 20.09.2014.